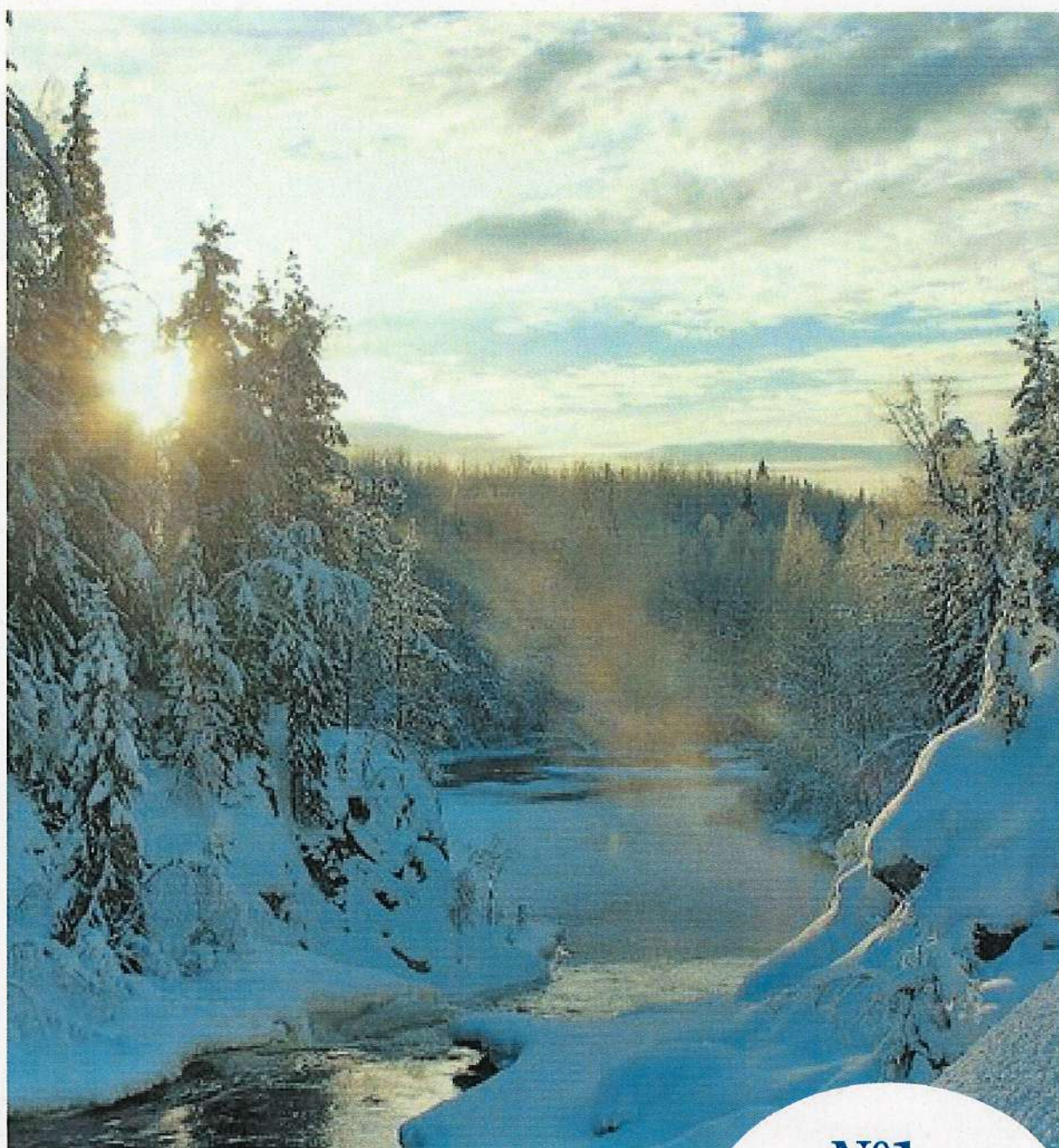

ISSN 1992-4127

БИЙСКИЙ ВЕСТНИК

№1
2021

Андрей ФРОЛОВ

ДУШЕГУБ

Бийский Вестник №1 • 2021

«Колхох-Душегуб» — так за глаза звали сельчане молчаливого сорокалетнего мужика из кривой хаты на отшибе. Когда он появился в деревне, точно не мог сказать никто. Порой казалось, что он жил здесь всегда — даже до бабки Настасьи, которой уже почти сто. Вроде Колхох был немым, хотя некоторые утверждали, будто раньше он разговаривал. Во всяком случае, слышал мужик отменно и всё понимал — тут уж сомнений быть не могло.

Жил Колхох полным отшельником, в дом к себе никого не пускал, да и не было желающих набиваться к нему в приятели. Занимался тем, что резал из липы ложки, ковшики и прочую хозяйственную ерунду. Поделки свои разносил по соседям: зайдёт в хату, положит на сундук у дверей, постоит с минуту и уйдёт. Если что-то давали взамен — брал, нет — и так ладно.

А смежной профессией у Колхоха был убой различной домашней животины. Вся деревня шла к нему с этой надобностью. Даже те,

кто без обмороков и желудочных колик сами легко могли оторвать курью башку, предпочитали не брать лишний раз грех на душу и несли скотинку к местному забойщику-любителю.

Колхох никогда никому не отказывал, лишь пасмурно усмехался в клочковатую бороду. Не говорил он и цену за свою кровавую работу — каждый от себя решал, чего и сколько дать.

Только Басов, гаишный начальник из райцентра, не имел с Колхохом никаких дел. Лет десять тому Басов выкупил у Самойлихи, увезённой дочкой в город «для уплотнения жилплощади», домик в этой деревне и поселил в нём старушку мать. А на лето привозил и жену с сыном.

Гаишник презирал Колхоха и открыто называл его живодёром, на что тот недобро шурился и поволчиному скалил удивительно белые и ровные зубы.

На забой более крупной скотины — овец, свиней, коров, а порой и лошадей — Колхох ходил сам,

Андрей Владимирович Фролов родился в 1965 году в Орле. Окончил Орловский строительный техникум и Орловский государственный университет. Работал плотником, инженером, в настоящее время — руководитель орловского Дома литераторов. Автор семи книг стихотворений и сборника рассказов. Произведения публиковались в альманахах и коллективных сборниках. Лауреат всероссийских литературных премий «Вешние воды», «Белуха» имени Г. Гребенищикова, имени Н. Гумилёва, «Ладога» имени А. Прокофьева. Член Союза писателей России.

Живёт в Орле.

прихватив неизменный свой отточенный тесак. А мелочь всякую — кур, гусей, кроликов и коз — принимал на своём дворе. Птицу бил Колюх красиво, споро — иной раз по два десятка к ряду. В сезон к его подворью выстраивалась очередь. Неподалёку от его крыльца врос в землю огромный кленовый пенёк овальной формы, от частого употребления кругло выщербленный в середке, рядом — продолговатое долблёное корыто, для стока крови.

Деревенская ребятня, собираясь летними вечерами на посиделки, пугала друг дружку рассказами, будто Душегуб в этакую убойную пору по ночам пьёт кровь из своего корыта, а потом ходит по деревне от дома к дому и заглядывает в тёмные окна. Говорили, что видели, как он на утренней зорьке лазает с примитивной острогой по мелководному пруду, а добытых карасей пожирает сырьём и лягушками закусывает... Много ещё чего говорили.

Случалось, сам Колюх вдруг бесшумно появлялся из темноты возле усевшихся вокруг магнитофона подростков, присаживался в сторонке на корточки и молчал. Хорохорясь друг перед другом, ребята не разбегались в страхе, только девочки тесней прижимались к парням, да тема разговора менялась.

Как и в любой русской деревне, в этой тоже имелся свой дурачок. Славик было уже под тридцать, но, вот беда, застрял малый в развитии где-то на десяти-двенадцати годах. Славик целыми днями бродил по селу и окрестностям, появляясь то тут, то там. В один из своих наездов в деревню гаишник Басов презентовал бедолаге потёртый милицейский китель с подполковничьими погонами, и теперь местный дурачок, мня себя чуть ли

не начальником МУРа, проводил бесконечные расследования пригретившихся ему преступлений. В кителе он, наверное, даже спал.

В ребячьих посиделках Славик принимал непременно участие.

— Ну как, Славик, жизнь-то? — спрашивал гаишный сынок, пятнадцатилетний Пашка.

— Так чего ж, работаем, — отвечал дурачок, любовно поглаживая прицепленный на китель парашютный значок. — И не Славик я, а оперуполномоченный полковник города Болхова. У меня кабинет, знаешь какой? И машина сто первая!

— Что-то я каждое лето приезжаю — ты всё без дела болтаешься. А говоришь, работаешь.

— А я... это... — терялся Славик.

— В отпуске? — подсказывала одна из девчонок.

— Точно! — дурачок расплывался в блаженной улыбке.

— Славик, ты — придурок, — безжалостно разъяснял милицейский сынок. — Тебе наполеонову шапку дай — ты императором будешь.

— Чево-то императором, — обижался Славик. — А у него какая шапка?

— Ну всё, достал. Вали отсюда, выродок. Иди бандитов лови, — Пашка лениво плевал в сторону блажного.

Неподалёку на корточках сидел Колюх-Душегуб и по обыкновению мрачно улыбался...

Весной Колюх подобрал котёнка. Котёнок был крохотный и дикий, жил в подвале сельмага и в руки никому не давался — если кто к нему приближался, шипел, фырчал, выгибал спину, будто пытаюсь прикинуться маленьким одногорбым верблюдом, и исчезал в подвальных закоулках.

Однажды котёнок зачем-то сунулся в приоткрытую дверь магазина, но тут кто-то из покупателей стал заходить следом. Напуганный зверёк метнулся обратно и... почти успел выскочить. Не успела одна из задних лап — тугая пружина швырнула на неё стальную дверь.

Несколько дней прошло, прежде чем котёнок снова стал появляться в подвальном окошке. Он вконец истощал, а раненая лапка волокла за ним окровавленным ошмётком.

Тут-то и заметил беднягу Душегуб, принесший в сельмаг свои деревянные товары.

Со спокойным упорством Коллох два дня охотился на котёнка. И подловил момент, когда оголодавший зверёныш залез с головой в целлофановый пакет с килькой, вынесенный сердобольной продавщицей. Душегуб просто подошёл и за хвост поднял котёнка вместе с пакетом. Тот, попав в человеческие руки, разом обмяк, обвис всеми конечностями, будто притворился мёртвым.

Коллох сунул кошака за пазуху и ушёл домой...

Выходил Душегуб котёнка. Полтора месяца выхаживал и выходил. Бабка Настасья, сама известная травница, рассказывала, что ненароком видела, как Коллох пожуёт-пожуёт какую-то незнакомую травку и приматывает её тряпицей к котовой лапке. А сам зверёк, будто понимает, что его врачуют, висит в Коллоховых лапищах, как пакля — не пискнет, не дёрнется.

К июлю котик был как новый: округлился, распушился — усы топорщит, хвостом метёт. Только глаз недобрый — жёлтый, с лёгкой косинкой, и лапка раненая

шерстью не обрастает — лысая. Признавал, понятно, одного Коллоха — ластился к нему, мурчал. От других бегал и прятался. Осторожный был котёнок, да не уберётся...

Возвращался как-то Коллох с луга, куда по непонятным делам своим ходил, и поодаль Настасьиной избы уже шёл, как заметил неправильное, необычное: что-то пацаны у бабкиного плетня крутятся, не иначе пакость какую затеяли.

Неправильного, по мнению Коллоха, в этом мире было много, и в другой раз прошёл бы он мимо, но тут развернуло посмотреть, разобратся...

Главным в компании был милицейский Пашка — он и двое ребят помельче азартно расстреливали из пневматического пистолета Коллохова кошака, привязанного за лапу к плетню. Котёнок молча дёргался, прыгал в сторону, но верёвка бросала его назад, а крошечные стальные пульки взбивали пыль под его лапами и ерошили кошачью шерсть. Стрелки были неумелые, убойная сила оружия слабая, и только поэтому котёнок был ещё жив.

Пашка наверняка выцеливал притихшую вдруг жертву, когда полновесная затрещина свалила его носом в лопухи. Его приспешники, пригибаясь, прыснули в разные стороны.

Коллох подобрал пистолет, не глядя, разломил его надвое, будто пластмассовую игрушку, и забросил обломки подальше. Потом склонился над своим израненным питомцем.

Кошки, говорят, имеют девять жизней, но этого котёнка уже было не спасти никакими, даже самыми чародейными, травами. Он истекал кровью, перебитые лапы мёртво

висели. Кошак пытался поднять голову, немо, по-рыбьи, открывал пасть, будто что-то хотел сказать Колюху, которого в деревне звали Душегубом...

Арестовывали Колюха всемером. Восьмым примазался было блажной Славик, которого в попыхах приняли за высокое начальство, но быстро разобрались и прогнали, надавав тумачков. Даже погон оторвали.

Когда оперативники вломилась в хату, Колюх ладил липовый гробик для котёнка.

— Так-так, — сказал лейтенант, разглядывая Колюхов рабочий тесак с засохшими пятнами крови. — За ним, может, и посерьёзней дела имеются...

В суде Пашкины дружки показали, что избивал Душегуб парня ни за что, долго и жестоко. Вдобавок милицейский папаша принёс ворох медицинских справок, из коих, если их объединить в одну, следовало, что травмы, полученные его сыночком, несовместимы

с жизнью, и вообще выжил Пашка чудом.

Пригласили на заседание и ещё одного свидетеля — бабушку Настасью, которая, как оказалось, видела из своего окошка всё происходящее у плетня.

— Вы видели, как подсудимый избивал потерпевшего? — спросила у неё строгая судья.

— Колюх-то? — переспросила напуганная принятием присяги и вообще официальной обстановкой бабка. — Конечно, сунул мальцу по тыльнику разик... может, два...

Сам Колюх в суде ни слова не сказал. И отправился по этапу...

Прошло пять лет. Колюх в деревню больше не вернулся. Говорят, порешили его в зоне уголовники. Да, наверное, врут.

А я думаю, не тот Колюх человек, чтобы дать себя за здорово живёшь жизни лишиться. Просто уехал куда-нибудь, не захотел вернуться в эту деревню. Пусть им кур теперь Пашка режет.

К БАБКЕ НЕ ХОДИ

Вкрадчивый стук в дверь не насторожил Александра Ивановича. Не отрываясь от бумаг, разложенных на столе, он устало бросил:

— Войдите.

Всего третью неделю молодой агроном Силаев исполнял обязанности главы сельской администрации — председателя сельсовета, по-старому, — но уже совершенно выбился из сил.

Всё началось в конце июня, когда «сверху» пришло распоряжение с обычной в таких случаях

текстовкой: «в связи... освободить от занимаемой должности... в целях... назначить...» и так далее. Никто даже не поинтересовался, согласен ли он, справится ли.

А теперь... Сенокосная пора пролетала с космической скоростью, сроки были упущены, две недели небеса без перерыва низвергали дождь на несчастную силаевскую голову и подведомственные ей угодья. Первый «сухой» денёк выдался лишь сегодня, но когда-то ещё провянет напитавшаяся водой чернозёмная округа...

Дверь открылась широко, явно соперничая с широтой улыбки вошедшего человека. Вид он имел, по меньшей мере, необычный. Лет шестидесяти, но молодой. Сразу под жёстким седым ёжиком волос — кустистые брови, диким мхом нависающие над колкими глазами, стремительно снующими по лицу, то и дело норовя перескочить забор переносья и слиться в одно большое магнетическое око. Одет незнакомец был в застиранную серую куртку, которую по груди, на манер португали, перепоясывал широкий ремень спортивной сумки. Старомодные джинсы подвёрнуты до колен, ноги босые и грязные, сандалии жёлтой кожи приторочены к сумке.

— Здравствуйте, — не сужая улыбки, посетитель размашисто шагнул к столу. — Вот. Нелегко к вам добраться, ох, нелегко, Александр Иванович. Дороги-то развезло, так я — напрямки. Идешь, красотища вокруг — Русь, простор! Завидую вам, Александр Иванович, белой завистью завидую! В таких местах живёте!

Силаев слушал, не решаясь перебить этого восторженного человека. Дело было к вечеру, и глава уже так устал, что даже не удивился ни появлению странного ходока, ни тому, что совершенно незнакомому человеку известны его имя-отчество. Не прояснялась пока и цель визита гражданина.

Быстроглазый товарищ вёл себя совершенно по-хозяйски: шлёпнул на стол свою сумку (сандалии при этом звучно чмокнули подмётками, будто в ладоши хлопнули), ухватил стул, развернул его и прочно уселся верхом, скрестив чумазы лодыжки.

— В каком краю живём, Александр Иванович! Святая земля! Мы же с вами самые богатые в мире люди! Так неужели мы не хотим жить лучше?

— А в чём, собственно...

— Вот! Вот именно, к делу!

Посетитель резво вскочил на ноги, порывшись в объёмистой сумке, выудил толстую розовую папку и тут же углубился в изучение её содержимого, будто выключился на время.

Посидев с минуту молча, Силаев кашлянул:

— Простите, товарищ... э...

— Шипунов Евгений Олегович, — быстро включился посетитель и без паузы продолжил: — Возвращаясь к нашему вопросу, имею сказать следующее... Вы русский, Александр Иванович?

— Русский.

— Очень хорошо, — обрадовался Шипунов. — Так кому же, как не нам, русичам, радеть о благе земли отцов наших?

Евгений Олегович патетично воздел руки к потолку, а Силаев поспешно согласился:

— Некому.

— Суть вопроса, — тон Шипунова стал деловым. — Так вот. Узнаёте?

Он выдернул из папки ксерокопию какой-то схемы и подвинул её к Силаеву.

— Нет, — честно признался молодой глава, покрутив бумажку так и сяк. — Что-то, вроде, напоминает...

— Ну как вам не стыдно, Александр Иванович! Это же план территории вашей администрации!

Силаев быстро взглянул на стену, где висела карта его владений, сравнил её с ксерокопией и устыдился. Не очень, но похоже. Как он мог не узнать? Вот же населённые пункты обозначены, дороги, речушка...

— Вы, я вижу, человек образованный, — вещал Шипунов. — Я-то сам два института закончил. Так что в серьёзности моих намерений не сомневайтесь — это к бабке не ходи.

— К какой бабке? — не понял глава.

— Так, присказка... Вы знаете страну Швейцарию, Александр Иванович? Правильно, маленькая такая страна. С нашу область размером. А о том, что там самый высокий уровень жизни, знаете? Казалось бы, не государство, а так — фитюлька, с чего бы у них этот самый уровень? Тяжёлого машиностроения — нет, полезных ископаемых — откуда? Даже земледелие на нуле — горы да луга. А как же уровень? Я вам отвечу. Туризм! Туризм — к бабке не ходи!

Странный посетитель так возбудился, что уже бегал по тесному кабинету, стуча босыми пятками и размахивая руками.

— Теперь вернёмся к нашим, извините, баранам. Чем мы хуже этой Швейцарии? Ничем не хуже, а, я вам скажу, лучше! У них что? Горные лыжи да солнечные ванны — и всё. А у нас, как я уже говорил, места святые, чудодейственные места! Вот, поглядите, — Шипунов вернулся к своей ксерокопии, — на территории одной только вашей администрации целых два святых источника!.. Здесь и здесь — крестиками отмечены... В районе их семь! А в целом по области — пятнадцать! Если считать маленькие. Вот.

На стол легла ксерокопия побольше, областная.

— Если их линией соединить... вот так... Что получается, видите? Православный наш получается крест! Думаете, проста? Не-е-т!...

— Так-так, и что? — заинтересованно спросил Силаев. Ему никогда не приходило в голову, считать святые источники и уж тем более соединять их на карте — слышать слышал про такие, про то, что туда временами съезжаются какие-то паломники, тоже знал, но беспорядков от них никогда не случилось, и внимание на сей факт обращать, пожалуй, не стоило. Теперь же дважды образованный посетитель поворачивал дело в религиозную сторону, а Силаев, хотя и был не очень-то верующим, понимал, что к вопросам религии сейчас следует относиться осторожно.

— А то, что пора поднимать народ с колен! Наша область — уникальнейшая в мире, Богом избранная страна! Да-да, именно страна, и она вполне может содержать себя и, более того, процветать! За счёт чего, спросите? Да благодаря туризму же! Нет, не завтра, конечно, — большая предстоит работа, но уже послезавтра к нам хлынут толпы паломников со всего света — к бабке не ходи!..

Шипунов откинулся на стуле и мечтательно зажмурил глаза.

Возникла тягучая пауза. Отчаянно стучала башкой в стекло большая чёрная муха. Слышалось, как тонко позванивали в шипуновской голове радужные грёзы. Глава сельской администрации нервно постукивал карандашом по столу, недоумевая, почему он ещё не выгнал сумасбродного товарища.

— Ну хорошо, а почему вы ко мне-то? — нарушил наконец тишину Силаев. — Вам, наверное, в район или даже в область надо.

— Рекламку пустим, — витая в облаках бормотал между тем Шипунов. — Особо и врать-то не придётся. А и приврать — грех невеликий. Какое дело сделаем!..

Включался он так же неожиданно и мгновенно, как и улетал в небеса:

— Дорогой мой Александр Иванович, конечно, надо к губернатору, но откуда ж начинать-то, если не с низов? У соседа вашего я вчера был. Поняли, поддерживают. Вместе мы — сила!.. Я ещё с народом поговорить хочу.

— Погодите-погодите, это сейчас вам собрать народ? — заволновался неопытный глава. — Боюсь, не получится...

— Получится, — лучезарно улыбнулся Шипунов. — Я по пути к вам в контору прошёлся по посёлку и пригласил людей подойти к девяти часам... Слышите? Народ-то уже, пожалуй, собрался. Хороший у нас с вами, Александр Иванович, народ!

За стенами конторы и вправду слышались голоса. Силаев тяжело встал из-за стола, прихлопнул широкой ладонью уставшую уже муху и со вздохом посмотрел в окно.

На полянке перед зданием сельской администрации собралось человек двадцать сельчан самого разного возраста — от шкодливого пацана Васьки до деда Никитича, слывшего в селе чудачком. Они переговаривались по-деревенски, не снижая голоса, перебрасываясь нехитрыми шуточками.

— Иваныч, — донеслось «из народа» при появлении в окне главы. — Правда, что ль, курорт у нас делать будут?...

Шипунов выступал перед жителями села минут сорок. Всё это время глава, будто загипнотизированный, стоял на крыльце и напряжённо всматривался в лица односельчан. Умного городского человека слушали молча, внимательно, вопросов не задавали.

Когда Шипунов закончил речь словами о бабке, к которой не ходи, народ улыбнулся, подождал чуть-чуть и зашумел.

— А ведь верно дядька говорит! — кричал здоровенный рыжий малый, явившийся на сход почему-то с вилами. — Чем мы хуже? Мы что — негры? Хватит, покопались в грязи!

Он со всего размаху вонзил вилы в землю, будто винтовку со штыком, и продолжал орать:

— Туризмом будем жить! Я, к примеру, могу бар держать! Что, не смогу, что ль?

— Да, ты сможешь, — едко отвечала ему молодуха с козой на верёвке. — Ты, Колька, сам в своём баре весь продукт и пожрёшь, туристам нечего наливать-то будет. Уж ежели кому бар давать, так это Савостихе. У ней патент на производство имеется — почитай, со всей округи мужики отовариваются.

Старая Савостиха, услышав своё имя, приложила сморщенную ладонь к уху и проскрежетала:

— Чевой-то лехтор говорит?

— А ничего не говорит, он уже всё сказал. К бабке, говорит, не ходи — в бар за самогонкой ходи.

— Нету, нету самогону, — привычно заохала-заволновалась Савостиха. — Наговоры всё. Годов двадцать уж не варю, как участковый оштрафовал...

Мальцу Ваське надоело бездейственно топтаться, он залез на забор, сорвал с себя рубаху и стал вопить:

— Даёшь Швейцарию! Гитлер капут!

С забора баламута сдёрнули, но наказать не успели — умчался с гиканьем в луга. Бурное обсуждение продолжилось.

Энтузиаст идеи, приобняв за плечо обалдевшего Силаева, с высокого крыльца глядел счастливым отеческим взором.

Видя, что прения затягиваются и вообще выходят из-под контроля, глава всё же очнулся, выступил вперёд и гаркнул:

— Тихо! На гулянках будете кости друг другу перемывать, а здесь — не балуй! Никитич, ты что скажешь? — обратился Силаев к старику в рыжей болоньевой куртке — за три недели своего правления он успел оценить дельность иных бормотаний чудаковатого ветерана.

Никитич переложил клюку из правой руки в левую, стащил с головы картуз и вытер им сухой морщинистый рот. Сельчане следили, затаив дыхание.

Старик откашлялся и тихо, себе под нос, сказал:

— Хлебушек надо сеить... Пропадём без хлебушка-то...

Он тяжело и долго посмотрел вбок, в поле, где уже наливался живой силой молодой колос...

Поздно вечером, когда вдоволь наговорившиеся сельские труженики разошлись по домам глядеть в телевизорах, как «Аншлаг» колбасится по Волге-матушке, а несгибаемый радетель отечественного туризма отправился на постой к Савостихе, Силаев позвонил главе соседней сельской администрации и рассказал о сегодняшнем визитёре.

— Сашка, он что, у тебя!? — недослушав, кричал сосед. — Гони этого проходимца в шею! Он вчера у меня был, так сегодня народ на работу не вышел — в Лихтенштейн хотят, понимаешь!..

— В Швейцарию, — поправил Силаев.

— Один хрен. Нам с тобой работать надо, о туризме пускай в столицах думают! А источники наши на то и святые, что грех за деньги их продавать...

Силаев аккуратно положил трубку на рычаг и подумал: «Пропадём без хлебушка — к бабке не ходи!»